

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

1906.

(съ приложеніемъ семи таблицъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1907.

почти ничего для выясненія исторической топографіи города и быта его населенія и привели изслѣдователей къ совершенно ошибочнымъ выводамъ о прошломъ городища; съ другой стороны изслѣдованіе упомянутыхъ двухъ большихъ кургановъ привело къ установленію, по характеру керамики, четырехъ культурныхъ эпохъ, изъ которыхъ первыя три относятся къ мѣдному и бронзовому и только послѣдняя къ желѣзному вѣкамъ. Раскопки остались незаконченными, такъ что выводы цюрихскаго ученаго д-ра Дюрста о томъ, какія животныя были извѣстны обитателямъ кургановъ, можетъ быть, нѣсколько преждевременны. Проф. Пемпелли выражаетъ надежду, что дальнѣйшія изысканія создадутъ почву для хронологическаго опредѣленія указанныхъ эпохъ, хотя бы приблизительнаго. Надо надѣяться, что будетъ найденъ матеріалъ для болѣе точнаго опредѣленія, чѣмъ то, которое въ 1903 г. могъ дать г. Хентингтонъ относительно развалинъ селенія въ той же мѣстности: по характеру архитектуры и керамики эти развалины могли быть отнесены «къ любой эпохѣ въ теченіе послѣднихъ 2000 лѣтъ» (стр. 307).

Въ заключеніе позволяемъ себѣ выразить пожеланіе, чтобы экспедиція проф. Пемпелли, если ей суждено продолжать свои работы въ Туркестанѣ¹⁾, оставила въ сторонѣ мѣста исторической жизни и ограничилась изученіемъ кургановъ и другихъ памятниковъ до-исторической эпохи. Эти изысканія, если будутъ производиться подъ руководствомъ такого опытнаго археолога, какъ д-ръ Г. Шмидтъ, могутъ дать наукѣ цѣнный матеріалъ для изученія быта до-историческаго населенія Средней Азіи, хотя едва ли могутъ пролить свѣтъ на «генеалогію великихъ цивилизацій», на связь между культурами Востока и Запада и на зависимость исторической эволюціи отъ физико-географическихъ условий.

В. Б.

335. O. Franke. Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntniss der Türkvölker und Skythen Zentralasiens. Aus dem Anhang zu den Abhand-

1) Экспедиція въ 1903 г. встрѣтила полное содѣйствіе со стороны русскихъ властей и ученыхъ, какъ въ столицахъ, такъ и въ Туркестанѣ. Объ этомъ отчасти говорится и въ отчетѣ, хотя не вполне точно; фамилии многихъ лицъ искажены до неузнаваемости; такъ упомянуть (стр. 4) Colonel Zaitza, governor of Osh (узб. нач. полк. Зайцевъ); фамилія академика Ѳ. Н. Чернышева пишется Tchernachef (стр. 4) и Chernichef (стр. 64). Упомянется объ Академіи Наукъ, which passed a resolution asking the Minister of the Interior to facilitate our journey (стр. 4); въ дѣйствительности это содѣйствіе было оказано экспедиціи не Академіей Наукъ, а Русскимъ Комитетомъ для изученія Средней и Восточной Азіи (см. «Извѣстія» Комитета, № 2, стр. 2—3). Какъ секретарь комитета, могу засвидѣтельствовать, что содѣйствію председателя комитета В. В. Радлова, о которомъ въ отчетѣ не упоминается, экспедиція дѣйствительно была многимъ обязана.

lungen der Königl. Preuss. Akademie der Wissenschaften vom Jahre 1904. Berlin 1904. 111 стр. 8° maj.

Цѣль настоящаго изслѣдованія — посредствомъ новаго разсмотрѣнія китайскихъ источниковъ «einen besseren Ueberblick über das verworrene Durcheinander der zentralasiatischen Nomadenvölker während der beiden letzten vorchristlichen Jahrhunderte zu gewinnen und für die Eroberung und Beherrschung Indiens durch jene Nomadenvölker den historischen Zusammenhang zu finden, den wir in den indischen Aufzeichnungen vergeblich suchen» (стр. 4). Самъ авторъ придаетъ наибольшее значеніе двумъ послѣднимъ главамъ (стр. 46 — 100), посвященнымъ завоеваніямъ саковъ и юечжійцевъ въ Индію; остальные главы, посвященные вопросамъ, уже неоднократно обсуждавшимся выдающимися синологами, являются, по словамъ самого автора (стр. 3), только собраніемъ примѣчаній и дополненій къ прежнимъ работамъ.

Какъ всякій трудъ, написанный по первоисточникамъ, работа г-на Франке окажется, по всей вѣроятности, не бесполезной въ смыслѣ исправленія ошибокъ прежнихъ переводчиковъ и изслѣдователей; но, къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы собственные научные приемы автора представляли шагъ впередъ по сравненію съ приемами его предшественниковъ, въ смыслѣ болѣе тщательной критической провѣрки того, что сказано въ источникахъ, и болѣе осторожности въ догадкахъ о томъ, чего въ нихъ не сказано.

Скудость и отрывочность извѣстій по исторіи Средней Азіи до ислама всегда открывали широкое поле для догадокъ и предположеній, иногда правдоподобныхъ и остроумныхъ, но часто пораженныхъ отсутствіемъ логической обоснованности. Одинъ изъ болѣе характерныхъ примѣровъ представляетъ выводъ даровитаго Маркварта, переданный нашимъ авторомъ въ словахъ: «auch die Tocharer können nicht tapfer gewesen sein, denn sie werden Justins Auszug aus Trogus Pompeius zufolge etwa 124 v. Chr. von dem Partherkönige Artabanos I. *angegriffen*» (стр. 31). На самомъ дѣлѣ выраженія у Маркварта нѣсколько осторожише: «doch können in der Tat auch die Tocharer nicht im Rufe hervorragender Tapferkeit gestanden sein, denn sie werden von Artabanos *angegriffen*»¹⁾. Но и въ такомъ видѣ едва ли есть основаніе для сдѣланнаго вывода; исторія представляетъ много примѣровъ, что нападенію подвергаются народы, пользующіеся ре-

1) J. Marquart, *Ergänzung nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i*, Berlin 1901 (Abhandl. der Kön. Ges. der Wiss. zu Göttingen, phil.-hist. Klasse, neue Folge, Bd. III, № 2), S. 202.

путаціей выдающеюся храбрости, если успѣхъ нападенія облегчается какими-нибудь временными причинами, въ родѣ внутреннихъ раздоровъ, неспособности правительства и т. п., или если нападающій полагается на численное превосходство своихъ силъ.

Для характеристики собственныхъ научныхъ приѣмовъ автора ограничимся разборомъ двухъ его теорій, въ которыхъ онъ наиболѣе расходится по крайней мѣрѣ съ ближайшими изъ своихъ предшественниковъ, именно теоріи о происхожденіи народа юечжійцевъ и теоріи о времени царствования знаменитаго Канишки.

По вопросу о происхожденіи юечжійцевъ авторъ не считаетъ возможнымъ отказаться отъ старой попытки, отвергаемой новѣйшими учеными, сблизить названія китайскихъ да-юе-чжи и греческихъ массагетовъ¹⁾ (будто бы «великихъ готовъ»). Въ пользу этого сближенія приводятся какъ лингвистическія, такъ и историческія данныя. Иероглифъ *юе* 月 обозначаетъ слогъ, нѣкогда произносившійся съ заключительнымъ зубнымъ звукомъ; второй иероглифъ 氏 часто произносится какъ *ши* и имѣетъ нарицательное значеніе «семья», «родъ», «племя». Если источники опредѣленно указываютъ, что въ данномъ случаѣ онъ произносился какъ *чжи*, то это, можетъ быть, объясняется заключительнымъ зубнымъ звукомъ перваго слога (стр. 23). Авторъ не объясняетъ, почему въ тѣхъ же историческихъ источникахъ нарицательное имя *ши* прилагается только къ народу *юе* или гетамъ, а не къ другимъ современнымъ имъ народамъ, въ родѣ хунновъ, усуней и т. п. По китайскимъ извѣстіямъ юечжійцы жили въ нынѣшней провинціи Гань-су и только въ II в. до Р. Хр. двинулись на западъ; но, по мнѣнію автора, они не могли издревле жить на границахъ Китая, такъ какъ китайцы только во второй половинѣ III в. до Р. Хр. узнали о ихъ существованіи; вѣрнѣе всего, что они пришли «auf den uralten Völkerstrassen von Westen oder Nordwesten» (стр. 25), т. е. что они переселились сначала съ запада, изъ Средней Азіи, на востокъ, къ границамъ Китая (объ этомъ переселеніи не говоритъ ни одинъ источникъ), потомъ, подъ давленіемъ хунновъ, вернулись на западъ. Выводъ *ex silentio* въ этомъ случаѣ особенно необѣдительно, такъ какъ до насъ вообще не дошло почти ничего изъ памятниковъ китайской литературы до III в. до Р. Хр. Не замѣчая противорѣчій, авторъ въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ, что «*der uralte Name* (курс. рец.) *Yüechi, d. h. Güt oder Get*» имѣлъ у китайцевъ значеніе собирательнаго термина для обозначенія инородцевъ не-турецкаго происхожденія (стр. 42). Мнѣніе о тибетскомъ происхожденіи юечжійцевъ отвергается; правда, источники

1) Ср. З. В. О. XI, 343, прим. 1.

говорять, что ихъ одежда, пища и *языкъ* въ общемъ были тѣ же самыя, какъ у тибетцевъ; но это извѣстiе относится къ той части племени, которая въ то время уже 50 лѣтъ жила рядомъ съ тибетцами; этотъ періодъ признается достаточнымъ для прiятiя тибетскаго языка народомъ иного происхожденiя (стр. 27).

По мнѣнiю автора, въ китайскихъ источникахъ нельзя найти никакихъ доводовъ противъ арийскаго происхожденiя юечжійцевъ, «*eher noch, wenn man die Yüe-chi als alten Skythen- oder Geten-Stamm ansieht, manches dafür. Sie würden dann wie zahlreiche Stämme ihrer Rasse einst aus jenen weiten wald- und steppenbedeckten Gebieten nördlich von den drei grossen Binnenmeeren ausgezogen sein, die eine unerschöpfliche Wiege kraftvoller, kampfesfroher, unruhiger Völkerschaften gewesen zu sein scheint (sic), und wo man jetzt mehr als irgendwo anders die Urheimat der arischen Rasse zu suchen geneigt ist*» (стр. 44—45). Теорiя о средне-азиатскихъ гетахъ и ихъ движенiя на востокъ высказана здѣсь въ довольно осторожныхъ выраженiяхъ; въ другомъ мѣстѣ она высказывается болѣе опредѣленно и въ свою очередь привлекается, въ качествѣ доказаннаго факта, для обоснованiя новыхъ выводовъ: «*Was auf eine Rassenverwandtschaft der Śaka, Skythen und Geten hindeuten könnte, ist der gemeinsame Ursprungsort; denn ebenso wie die beiden letzteren (курс. рец.) haben sich auch die Śaka-Stämme aus der grossen Völkerwiege am Aralsee nach Osten und Süden fortbewegt*» (стр. 53 — 54). И вся эта крайне шаткая аргументацiя служитъ для обоснованiя гипотезы, въ которой не представляется никакой необходимости. Гипотеза о средне-азиатскихъ гетахъ могла быть нужна въ то время, когда гетовъ отождествляли съ готами и когда всѣ германскiе и славянскiе народы, упоминаемые у классическихъ авторовъ, считались недавними пришельцами изъ Средней Азiи; теперь, когда гетовъ сближаютъ съ даками и оракийцами¹⁾ и когда ни одинъ изслѣдователь, каково бы ни было его мнѣнiе о первоначальной родинѣ арийцевъ, не надѣется найти въ *историческиихъ* данныхъ о Средней Азiи слѣдовъ пребыванiя тамъ германцевъ, славянъ или балканскихъ арийцевъ, хотя бы въ видѣ сохраненiя ихъ племенныхъ названiй²⁾,—

1) Ф. Браунъ, Разысканiя въ области готско-славянскихъ отношенiй, Спб. 1899, стр. 152.

2) Авторъ нѣсколько разъ настаиваетъ на томъ, что тожество названiй еще не равносильно тожеству народовъ, обозначаемыхъ этими названiями (стр. 5, 43, 45); но, какъ видно изъ приводимыхъ имъ конкретныхъ примѣровъ (напр. на стр. 42 о юечжійцахъ), онъ этимъ только хочетъ сказать, что старое народное названiе могло сохраниться и послѣ измѣненiя національнаго состава, подъ влiянiемъ смѣшенiя съ другими народами и подчиненiя ихъ этнографическому влiянiю, могло также переходить отъ побѣдителей къ покореннымъ, могло, наконецъ, получить въ устахъ другого народа значенiе собирательнаго термина.

теперь средне-азиатскіе геты могли бы быть приняты наукой только въ силу необходимости, на основаніи неопровержимыхъ доводовъ, а не подъ вліяніемъ гипотезы, не подтверждаемой никакими вѣскими данными.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ разсужденіями о хронологіи царствованія Канишки. По замѣчанію автора, прежніе ученые относили вступленіе на престолъ этого царя къ различнымъ датамъ, начиная съ 57 г. до Р. Хр. и кончая 278 г. по Р. Хр. (стр. 62 — 63); подробный разборъ источниковъ приводитъ автора къ выводу, что всего правдоподобнѣе первая по времени изъ этихъ теорій, именно теорія Куннингема (Cunningham) о совпаденіи начала царствованія Канишки съ началомъ такъ называемой эры Викрамы (56 — 57 г. до Р. Хр., стр. 99). Аргументація построена на «единственномъ достовѣрномъ фактѣ» (стр. 90), что Канишка былъ могущественнымъ защитникомъ буддизма; какую память онъ оставилъ среди послѣдователей этой религіи, показываютъ разсказы китайскихъ паломниковъ VII в. (стр. 80 и сл.); преданіе не могло бы такъ прославить обращеніе этого царя къ истинной вѣрѣ, если бы ту же вѣру исповѣдали его предшественники (стр. 93); итакъ, буддійскихъ царей у юечжійцевъ до Канишки не было. Съ другой стороны, въ одномъ китайскомъ сочиненіи (Вэй-лѣ) конца III или начала IV в. по Р. Хр. говорится о посольствѣ юечжійцевъ въ Кітай во 2 г. до Р. Хр., причемъ посолъ устно передалъ текстъ буддійскихъ сутръ; итакъ, царь юечжійцевъ въ то время уже былъ «*dem Buddhismus ergeben und für seine Ausbreitung tätig*» (стр. 90—93), т. е. Канишка не могъ править позже I в. до Р. Хр. Въ I в. по Р. Хр. среди кушановъ (одного изъ юечжійскихъ родовъ) возвысились, по китайскимъ извѣстіямъ, цари Кюй-цзюй-кѣ и его сынъ Янь-гао-чжань; эти имена отождествляютъ съ встрѣчающимися на монетахъ именами царей Козулокадфиса и Оэмокадфиса. Къ этому сближенію авторъ вполне присоединяется (стр. 79), но по ходу своей аргументаціи принужденъ сдѣлать выводъ, что Канишка былъ не преемникомъ этихъ царей, какъ полагаютъ пумизматы, а предшественникомъ (стр. 94), тѣмъ болѣе, что и на монетахъ Козулокадфиса встрѣчаются буддійскіе символы¹⁾ (стр. 97). Авторъ не скрываетъ тѣхъ затрудненій, съ которыми связана такая теорія. Царство

1) Авторъ говоритъ объ этомъ въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ (*Auch die Münzen des Kozulokadphis haben buddhistische Abbilder und Bezeichnungen*), ссылался на статью А. М. Вюера, гдѣ на цитируемой имъ страницѣ сказано: «*M. V. A. Smith a cru retrouver sur trois monnaies qu'il attribue à Kozulokadaphes (identique, ainsi qu'il le pense, et comme j'essaierai de l'établir, à Kozulokadphisés) l'image du Buddha*», и въ примѣчаніи: «*Image bien plutôt royale, il est vrai*» (*Journ. As. 9, XV, 528*). Этотъ примѣръ, вмѣстѣ съ приведенной выше (стр. 098) ссылкой на Маркварта, ярко рисуетъ отношеніе автора къ своимъ предшественникамъ.

Канишки, носившаго титулъ «царя царей кушановъ», заключало въ себѣ цѣлый рядъ земель, въ томъ числѣ, по нумизматическимъ и эпиграфическимъ даннымъ, сѣверный Пенджабъ и часть Кашмира (стр. 99); упоминаеіе тангутскихъ заложниковъ заставляетъ полагать, что его завоеванія простирались до сѣвернаго Тибета (стр. 97). Между тѣмъ по китайскимъ извѣстіямъ только при Козулокадфисѣ произошло возвышеніе кушанскаго княжества надъ четырьмя другими и распространеніе имени кушановъ на весь народъ и все царство (стр. 66). Авторъ предполагаетъ, что кромѣ того возвышенія кушановъ, о которомъ говорятъ китайцы, было еще другое, о которомъ китайцы ничего не знали; завоеванія Канишки были утрачены въ промежутокъ времени между его царствованіемъ и царствованіемъ Козулокадфиса (т. е. кушаны за это время изъ владѣтелей обширной имперіи были снова низведены на степень одного изъ пяти удѣльныхъ князей!); это обстоятельство, заставляющее предполагать между обоими царствованіями *значительный* промежутокъ времени, еще болѣе говорить въ пользу предполагаемой даты — 56 или 57 г. до Р. Хр. (стр. 99). Едва ли не проще было бы принять одно изъ двухъ слѣдующихъ предположеній: 1) приверженцы буддизма среди мелкихъ юечжійскихъ владѣтелей могли быть и раньше, и всетаки присоединеніе къ этой религіи такого могущественнаго царя, какъ Канишка, могло составить эпоху въ ея исторіи; 2) рассказъ о посольствѣ 2 г. до Р. Хр., впервые находящійся въ памятникѣ не ранѣе конца III в. по Р. Х., едва ли долженъ быть признанъ абсолютно достовѣрнымъ.

Впечатлѣніе, выносимое читателемъ изъ разбора этихъ двухъ теорій, занимающихъ въ книгѣ г-на Франке главное мѣсто, можетъ быть признано рѣшающимъ для оцѣнки всей работы.

В. Б.

336. G. Le Strange. The lands of the Eastern Caliphate. Mesopotamia, Persia, and Central Asia from the Moslem conquest to the time of Timur. Cambridge 1905. XVIII, 536 стр. 8° (Cambridge Geographical Series).

Книга является продолженіемъ прежнихъ историко-географическихъ трудовъ того же автора, посвященныхъ Палестинѣ и Багдаду; кромѣ перечисленныхъ въ заглавіи областей, описывается еще Малая Азія (Румъ). Главными источниками были, конечно, сочиненія арабскихъ географовъ IX и X вв. по Р. Хр. въ классическихъ изданіяхъ де-Гуе; авторъ пользовался также цѣлымъ рядомъ другихъ сочиненій, въ печатныхъ изданіяхъ или въ рукописяхъ Брит. Муз.; къ числу источниковъ послѣдней категоріи относятся *فارسنامه*, описаніе Фарса (XII в.), *تاریخ کزیده* Хамдаллаха Казвини